

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

Е. И. Кычанов

ТАНГУТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ХАРА-ХОТО

Город Черной реки — Чернореченск из глубин Центральной Азии, — китайское наименование Хэйшуй, тангутское — Эдзина, ставший позднее просто Хара-Хото (Черным городом), вошел в историю востоковедения как одно из тех чудесных мест, где волею случая время сохранило для нас целую коллекцию рукописей и старопечатных книг (ксилографов) на мертвом языке Си Ся (тангутском). П. К. Козлов, экспедиция которого в мае—июне 1909 г. обнаружила эти книги, прославился данной находкой не меньше, чем всеми остальными своими путешествиями.

Оазис р. Эдзин-Гол — китайское наименование Хэйшуй (Черная река), тангутское — Эдзина (также Черная река), современное монгольское название — это сохранившееся тангутское с добавлением монгольского слова «гол» (река). Случайное совпадение слов — тангутского «эдзина» и монгольского «эдзэн» («эджэн»), что значит «господин», «владыка», — позволяет монголам осмысливать это название на свой лад как «Госпожа река». Этот район был населен с глубокой древности. Район Хара-Хото пришел в запустение в конце XIV в., после китайско-монгольских войн, связанных со свержением в 1369 г. правившей в Китае монгольской династии Юань и воцарением на китайском престоле национальной династии Мин. Истории Хара-Хото и оазиса Эдзин-Гол посвящена специальная работа Е. И. Лубо-Лесниченко и Т. К. Шафрановской [6]. В данной же статье мы хотели бы привести те немногие сведения об Эдзина — Хара-Хото, которые встретились нам в оригинальных тангутских источниках, и указать на подлинное место этого города в тангутском государстве Си Ся (982—1227).

Тангуты заполучили район Хара-Хото и сам город от уйгуров, относившихся к так называемой группе эдзингольских, или после разгрома тангутскими войсками Ганьчжоуского уйгурского княжества в 1023 г., или в крайнем случае после 1036 г., когда тангуты овладели контролируемыми уйгурами городами Сучжоу, Шачжоу и Гуачжоу [4, с. 50]. Как мы увидим далее, в тангутском государстве район Эдзина административно-хозяйственно тяготел к Сучжоу, возможно, так было и при уйгурах.

Богатство и разнообразие находок П. К. Козлова в Хара-Хото, особенно памятников буддийского искусства и книг, рукописных и печатных, породило убеждение (и не только у самого П. К. Козлова), что он открыл затерянную в песках столицу исчезнувшего тангутского государства; к сожалению, это заблуждение живо и до наших дней и встречается у весьма высокочтимых авторов.

«Мы рассмотрели, — писали С. И. Руденко и Л. Н. Гумилев в 1966 г., — ноинулинские находки только в одном аспекте и далеко не исчерпали предмета, но теперь следует перейти к еще более блестящему открытию Козлова — мертвому городу Хара-Хото, *бывшей столице* (курсив наш. — Е. К.) тангутского царства» [1, с. 243]. Между тем достаточно было прочитать историю государства тангутов, изложенную в труде о Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «История Тибета и Хухунора» (СПб., 1833), чтобы стало ясно, что это ошибка, но, повторяем, ошибка, оказавшаяся весьма живучей.

По принятому в Си Ся разделению территории государства на внутренние и внешние области г. Эдзина относился к внешним пограничным районам Си Ся. Управление им по существовавшей в Си Ся классификации на шесть разрядов управлений — пять штатных: высшего (первого), следующего (второго), среднего (третьего), низшего (четвертого) и последнего (пятого) — и управлений, не вошедших в число пяти первых разрядов, — относилось к управлениям низшего (четвертого) разряда — управлению уездными городами, почтовыми станциями и рынками [2, гл. X, с. 26⁶—28⁶].

Однако в связи с пограничным положением города его статус практически был выше обычного уездного. Управлял городом цыши (префект), должность которого соответствовала правителю округа (чжоу). Эдзина (Хара-Хото) был центром военно-полицейского управления, самой высшей административной единицы Си Ся, хотя следует иметь в виду, что статус города и статус военно-полицейского управления, размещавшегося в нем, могли не совпадать. Функции военно-полицейского управления были достаточно широки: оно ведало государственными складами на вверенной ему территории, контролировало деятельность нижестоящей администрации, выступало как судебная инстанция, принимало доносы о таких преступлениях, как мятеж и другие антигосударственные деяния, проверяло состояние оборонительных сооружений в городах и крепостях, ведало учетом, раздачей и обменом казенных боевых коней, доспехов и оружия, обеспечивало порядок внутри подведомственного района. Военно-полицейское управление достаточно полно контролировало жизнь вверенного ему региона в сфере дел гражданских, военных и суда. Нерасчлененность гражданской, военной и судебной власти как раз была характерна для военно-административной системы управления, принятой в Си Ся на местах и традиционно широко распространенной у всех народов Центральной Азии.

Штат военно-полицейского управления Эдзина (Хара-Хото) включал его начальника, заместителя (помощника), двух старших караульных начальников, ответственных прежде всего за пограничную службу, и трех старших чиновников, именованных «выносящий решения» [2, гл. X, с. 31^a—32^a]. В управлении городом помимо префекта (цыши) участвовали еще два старших чиновника в звании «начальник» и два в звании «передающий приказ». В военно-полицейском управлении Эдзина (Хара-Хото), кроме того, было четыре чиновника среднего звена — два столоначальника и два делопроизводителя — и сорок чиновников низшего звена — клерков [2, гл. X, с. 31^a—32^a]. В Эдзина были казенные вино-водочные склады, в задачу которых помимо продажи спиртного входил и надзор за соблюдением государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков [2, гл. XVII, с. 18^б].

По удаленности от центра, от столицы Си Ся г. Чжунсин (совр. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР), Эдзина (Хара-Хото) относился ко второй группе наиболее удаленных городов. Самым отдаленным считался современный район Дуньхуана, Шачжоу и Гуанчжоу (западная окраина современной провинции Ганьсу), а затем шел район Сучжоу и Эдзина (Хара-Хото) [2, гл. XVII, с. 14^a]. Это хорошо видно из сроков, установленных законом на замену должностных лиц складов и ревизию их деятельности. Для чиновников из Шачжоу и Гуачжоу отводилось 40 дней для прибытия на место службы или переезда на другое место службы и 60 дней для проведения ревизии их деятельности. Для чиновников из Сучжоу и Эдзина (Хара-Хото) — 30 дней на смену места службы и 60 дней для ревизии их прошлой деятельности центральными или местными управлениями. Ревизия была связана с выявлением отсутствия хищений или халатного обращения с материальными ценностями [2, гл. XVII, с. 32^б—33^a]. Для служащих ряда складов «в двух [районах] одинаково отводится 30 дней военно-полицейским управлениям для освобождения [чиновников] от должности: 15 дней с момента освобождения от должности на прибытие в управление военного комиссариата (цзинлюе), 20 дней на проведение ревизии военным комиссариатом, на дорогу всем освобожденным от должностей 15 дней, для проведения ревизии в управлениях по принадлежности 40 дней, местному управлению ревизии и контроля 30 дней. [Эти области] Сучжоу и Эдзина» [2, гл. XVII, с. 34^б—35^a]. Мы находим в Кодексе и следующую статью, упоминаящую район Эдзина (Хара-Хото): «Что касается стад скота, пасущихся в районе Эдзина, то, учитывая отдаленность района, туда в качестве учетчика скота в установленный законом срок должен быть выслан один человек из числа армейских командиров или [чиновников в должности] „выносящий решения“, который и обязан проверить [стада скота]». «Когда среди скота, находящегося в вышеупомянутом [районе] Эдзина, окажутся больные животные, то об этом должно быть

доложено в военно-полицейское управление» [2, гл. XIX, с. 35^a—35^b].

Итак, из тангутских официальных текстов мы четко видим, что район Сучжоу — Эдзина (Хара-Хото) считался вторым по удаленности от столицы после Шачжоу и Гуачжоу на крайнем западе страны. Поэтому не случайно эта область на границе с монгольской степью служила местом, куда отправляли для отбытия наказания особо опасных преступников, осужденных на каторжные работы. «В том случае, когда любой человек за то, что он посягнет на княжеское достоинство, нарушит правила добродетельного поведения и почитания родителей или, будучи арестован за другие особо тяжкие преступления и измену, будет подвергнут за это допросу и [по приговору суда] ему будет сохранена жизнь, а сам он отправлен в Эдзина или любое иное место рыть колодцы и на другие тяжелые работы отбывать каторгу сроком на 13 лет с последующим вечным поселением по месту отбывания каторги, а сыновья преступника, его родственники, братья будут привлечены к ответственности, высланы и отданы в работу поименно в качестве пастухов и земледельцев или солдатами в гарнизоны пограничных городов или городов внутренних, то должно быть указано, кто составлял документы следствия по делу и в каком архиве они хранятся» [2, гл. XX, с. 14^a—15^b].

Перед нами встает облик окраинного города Си Ся, важного административного центра данной местности, города-крепости с гарнизоном и места дислокации одной из 17 армий Си Ся, города чиновников и армейских служащих, района, в котором помимо местных пастухов и землепашцев на государство трудятся каторжане, осужденные за особо тяжкие преступления и сосланные на каторгу в этот отдаленный район. Они роют колодцы (район граничил с пустыней Гоби), очевидно, вообще следят за ирригацией, выполняют иные тяжелые работы, в том числе по ремонту стен города и иных его оборонительных сооружений, исполняют службу солдат пограничного гарнизона.

Военачальники таких укрепленных пограничных городов, как Эдзина, должны постоянно находиться на предписанном им императором или высшим командованием месте. «Если же [таковые] изменят место пребывания, то зачинщик, который заявил: „Переместимся“, а также пограничный эмиссар и начальник укрепленного поселения, полные командиры и их заместители, одинаково лишаются должности, должны быть отстранены от службы в армии и наказаны 12 годами каторжных работ» [2, гл. IV, с. ? (текст испорчен)]. «Когда те, кто служат в больших городах, сдадут все города, город за городом, то градоначальники, городские инспекторы, тунпани (вице-префекты) и зачинщики сдачи, как имеющие чиновничий ранг или не имеющие ранга, а также не имеющие ранга полные командиры строя и их помощники, находившиеся в городе, подлежат смертной казни путем обезглавливания... Находившимся в их подчинении

солдатам регулярной армии — по 13 палок. Служащие вспомогательных войск (часть которых была из каторжан. — *Е. К.*) и проживавшие в крепости женщины наказанию не подлежат» [2, гл. IV, с. ?]. «Те, кто несут службу в большом городе, солдаты регулярной армии, служащие вспомогательных войск, проживающие в крепостях женщины, в установленном числе должны быть налицо и находиться там, где им положено. Городская управа сама должна периодически производить проверки и, когда окажется, что кого-то нет, должна понуждать их [вернуться] и в зависимости от их социального положения наказывать виновных и принуждать их служить в городе» [2, гл. IV, с. ?]. «В пограничных районах семьи [местных жителей] и скотоводы-кочевники должны селиться, обрабатывать землю и пасти скот в пределах той территории, которая указана каждому из них. Переходить границу или удаляться от нее запрещается» [2, гл. IV, с. 26⁶]. «Семьям [землепашцев] и скотоводам-кочевникам запрещается переходить границу, селиться, пахать землю и пасти скот за ее пределами... Воинские начальники, пограничные эмиссары и начальники пограничных караулов обязаны возвращать [нарушителей], передавать их начальникам кочевий или эмиссарам по их принадлежности с тем, чтобы размещать их в пределах отведенной им территории» [2, гл. IV, с. 27^а].

В любом случае, если подданные Си Ся и их имущество и скот по их ли личной вине или по недосмотру пограничных чиновников попадали в руки грабителей или отрядов, перешедших границу с целью грабежа с соседней территории, местные военные и гражданские чиновники несли ответственность в зависимости от величины причиненного ущерба. В пустынных и труднодоступных районах, в том числе и районе Эдзина, на границе с татарами, как сказано в Кодексе, где «строгого разграничения не имелось», пограничные тангутские посты не должны были позволять кочевникам с территории соседей или охотникам переходить границу и углубляться на территорию Си Ся [2, гл. IV, с. 28^а—29^а]. Градоначальники крепостей, в том числе таких, как Эдзина (Хара-Хото), каждую зиму должны были докладывать в местное военно-полицейское управление о состоянии всей системы оборонительных сооружений города-крепости: его стен, рвов, ворот, щитов для защиты от камней, метаемых из камнеметов, и т. п. [2, гл. IV, с. 40⁶—42^а]. «Если городской инспектор, вице-префект... [лакуна] оборонительные сооружения на стенах вверенного им города, пришедшие в негодность: проволочные заграждения, ворота [для прохода] войск, противометательные заслоны для защиты от камней... [лакуна] не отремонтировали, засыпавшиеся рвы не открыли, то следует высчитать сумму необходимых для проведения ремонта затрат». В зависимости от стоимости ремонта виновные могли получить от шести месяцев до трех лет каторжных работ [2, гл. IV, с. 42⁶]. «Если во вверенном градоначальнику, городскому инспектору и вице-префекту городе должны быть оштукатуре-

ны стены, а они надлежащим образом не оштукатурены, то учитывается, сколько строителей могли бы сделать эту работу за один рабочий день. [Если для ремонта требуется] от одного до тридцати человек, то с имеющего ранг штраф — одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок. Если требуется свыше тридцати до семидесяти человек — три месяца каторжных работ, свыше семидесяти — до ста человек — пять месяцев, и свыше ста человек — одинаково один год каторжных работ» [2, гл. IV, с. 42^б—43^а].

Вдоль границы, в глубь от нее, была сооружена система сигнальных вышек, с которых подавались сигналы огнем о нападении противника. «Если на границе ответственные за подачу сигналов огнем со сторожевых вышек обнаружат внезапное появление вражеских войск, то в том случае, когда они обнаружат нерадивость в подаче огнем сигналов оповещения находящимся поблизости скотоводам, кочующим в [данном районе] со своими семьями, соседним сигнальным вышкам и военачальникам, в порядке установленной очередности, то [виновным] выносится тот же приговор, что и караульным дальних и ближних караулов за недосмотр врага в зависимости от того, сколько вражеских войск и на какую глубину вторглось на [нашу] территорию» [2, гл. IV, с. 45^б—46^а]. «В том случае, когда войска подняты в поход, а из солдат кто-то не пошел, а кто-то почему-то отлучился, то и тем, кто отлучился, и тем, кто задержался, одинаково — служащим регулярной армии два года, служащим вспомогательных войск один год каторжных работ» [2, гл. VI, с. 3^а].

Забывшим дома казенного боевого коня или доспехи полагалось от шести месяцев до двух лет каторги [2, гл. VI, с. 3^а—3^б]. «Если государев конь состарился, болен и у него недостает сил, чтобы ездить на нем верхом и надевать на него доспехи, а армия выступает в поход и нет времени, чтобы произвести замену, то если кто-то взамен непригодного коня, которого следовало привести, приведет своего, здорового и сильного, то командиры должны произвести проверку и если все действительно окажется так, то такие действия не должны считаться неприводом [государева коня] и его подменой» [2, гл. VI, с. 10^а—10^б]. Казенные боевые кони были закреплены за местными военачальниками — «командирами марша», «командирами строя», старшими и младшими «направляющими». Их нельзя было забивать на мясо, приносить в жертву, использовать для верховой езды в личных целях и для поездки на охоту. При любом незаконном пользовании казенным боевым конем один день его использования оценивался по закону в 70 монет (стоимость рабочего дня взрослого мужчины) и в зависимости от общей суммы виновные наказывались как за получение взятки [2, гл. VI, с. 10^б—11^б].

И наконец, приведем еще одну статью из Кодекса, которая в известной мере определяла жизнь и быт военнослужащих и

чиновников такого пограничного города, каким являлся Эдзина (Хара-Хото). «Старшим и младшим чиновникам, армейским направляющим запрещается назначать на работы, заставлять прислуживать себе лично, участвовать в облавных охотах и стрелять диких зверей тех из солдат, которые не являются служащими вспомогательных войск. Когда закон будет нарушен, то стоимость добытых на охоте зверей должна быть сосчитана в денежном выражении и если она составит менее десяти связок монет, то виновный наказанию не подлежит». Если стоимость добытых на охоте зверей была выше десяти связок монет, то в зависимости от нее виновный в принуждении солдат регулярной армии охотиться для него получал от 13 палок до года каторжных работ. «Когда кто-то из таковых заставит [солдат регулярной армии] ставить сети и ловить рыбу, то, если ее стоимость составит начиная от двадцати связок монет и менее, не считаясь с суммой, [виновному] шесть месяцев, а если выше двадцати связок монет, то одинаково один год каторжных работ» [2, гл. VI, с. 16^a—16^b].

Можно с уверенностью сказать, что на высшем и среднем социальном уровне в тангутское время Эдзина (Хара-Хото) был городом чиновников, гражданских и военных. Это хорошо прослеживается и при анализе заказчиков на переписку и изготовление книг буддийского канона. Отсутствие в колофонах книг упоминаний столицы и других крупных административных центров тангутского государства, за исключением Ганьчжоу, города, не столь удаленного от Эдзина, позволяет сделать вывод, что тангутская рукописная книга коллекции ЛО ИВАН «провинциальная» и в значительной своей части происходит из Эдзина (Хара-Хото), а также близких к нему районов. Среди заказчиков переписки книг прямо упоминаются жители Эдзина (Хара-Хото). Это хозяин (глава семьи и земледельческого или скотоводческого хозяйства) из Эдзина Ехуа Н...ю [7, танг. 61, 74] (в колофоне к рукописи под шифром «танг. 61» он упомянут также и как владелец книги), хозяин из Эдзина, чиновник, служащий внешних дворцовых покоев государя Вэйрви Ланьква [7, танг. 74] и/или его родственник, возможно брат, или однофамилец, чиновник, ответственный за транспортные перевозки в Эдзина, Вэйрви Юква.

Из заказчиков из близких к Эдзина районов упомянем монаха Нюйнюй Цзун Мина, названного как «ганчжоуский монах» [7, танг. 76, танг. 357]. Положению Эдзина как пограничного города вполне отвечают должности пограничных эмиссаров, чиновников, ведавших пограничной стражей и наведением порядка в пограничной зоне. Упоминаются «заказчик текста, пограничный эмиссар Вэйи» [7, танг. 376] и, возможно, он же, но уже с указанием имени и более полного звания, «генеральный заказчик, пограничный эмиссар, командир марша Вэйи Шанька» [7, танг. 357]. Чиновниками местного регионального уровня являются и другие заказчики: «заказчик, „принимающий прика-

зы «Ехуа» [7, танг. 376], «чистой истины заказчик, служащий дворцовых покоев, монах Лян Рцэнго Шань Чжун» и «служащий внешних дворцовых покоев Кэн Санка» [7, танг. 334]. Они принадлежали к дворцовому ведомству, многочисленному штату чиновников, разбросанных по всей стране и обеспечивавших разнообразные нужды двора и летние временные резиденции императора. «Заказчик двух глав (цзюаней), приближающийся к добродетели, „направляющий“ Рамбу Кхавачэн» занимал самую низкую в администрации Си Ся должность «направляющего». Можно быть вполне уверенным, что все это были чиновники местной администрации Эдзина — Хара-Хото.

Судя по материалам тангутских рукописей, большой вклад в книжное дело района Хара-Хото внесла семья Лян, представители древнего тангутского рода, упоминающегося еще до появления тангутского государства Си Ся в китайских сведениях о дансянах-тангутах. Из семьи Лян упоминаются семь заказчиков переписки книг, шесть переписчиков, один сверщик текстов, один редактор и один владелец книги. Особенно отличились братья Лян Хаваюй, Лян Хавачэн, Лян Хавачун, упоминающиеся неоднократно в колофонах как жертвователи средств на переписку сутр и переписчики, в том числе части таких объемных сутр, как «Маха ратнакута сутра».

Проживавшая в Эдзина семья Вэйрви упоминается в рукописях 12 раз. Из этой семьи мы встречаем восемь заказчиков, двух лиц, «разрешивших переписку книг», т. е. цензоров, двух переписчиков и одного владельца книги. Мы уже упоминали выше, что семья Вэйрви была семьей чиновников и военных.

Другая семья из Эдзина — Ехуа (Ахуа) — встречается в колофонах рукописных книг 10 раз, из этой семьи были семь заказчиков рукописных книг и три переписчика. Семья Ехуа упоминается и в документе о продаже земли в районе Эдзина, датированного 1170 г. [5, с. 188—203].

Можно назвать еще три семьи, очевидно достаточно состоятельные и влиятельные в Эдзина. Это семья Минбу, из которой упомянуты четыре заказчика и один переписчик книг, семья Гунди — один заказчик и четыре переписчика, семья Ехэ — два заказчика и один заказчик и владелец книги одновременно. Три заказчика и один переписчик были из семьи Ши, судя по фамилии, очевидно, китайской.

Все эти семьи делали большие по объему заказы и явно были из числа состоятельных семей Эдзина. Переписка буддийских текстов почиталась благим делом. Бумага, тушь, кисти, работа переписчиков, переплеты — все это стоило больших денег и было не под силу людям несостоятельным или просто бедным, которые делали заказы на переписку сутр только в складчину, иногда, как это видно по одному из колофонов, до 70 человек заказывали сообща переписку всего одной главы сутры.

Эдзина (Хара-Хото), как и население всего тангутского государства, был городом многонациональным. Там жили тангуты,

уйгуры, которым до тангутов принадлежал город, там могли быть и монголы — Эдзина граничил с татаро-монгольской степью, и жертвы междоусобной борьбы татаро-монгольских племен, в частности керейты, не раз находили в нем прибежище. Там могли быть и тибетцы, в особенности буддийские монахи. Из одного из документов из Эдзина мы видим, что командующий обороной Эдзина Мбэнин Ндживува в седьмом месяце 1224 г. просил императора о переводе его на службу в другое место и о замене его уйгуром по имени Шион (Железо). В последние годы существования Си Ся Эдзина административно входил в округ Сучжоу. Мбэнин Ндживува на 1224 г. уже девять лет (с 1216 г.) был командующим войсками в Эдзина с серебряной пайцзой. Он докладывал императору, что стены города в порядке, оружия в нем достаточно, в том числе имеются 56 больших и малых камнеметов (блуд), а на всех четырех стенах для подачи сигнала тревоги ночью установлены большие барабаны.

Однако чиновники получали неполное жалованье, и вообще жизнь в Эдзина стала трудной, монголы уже не раз проникали в глубинные районы Си Ся и готовились к новому походу, ибо Чингис поклялся уничтожить государство тангутов. Стремление Мбэнин Ндживува покинуть Эдзина, на который должен был обрушиться и впоследствии обрушился первый удар, было вполне понятным [8, с. 189—201]. Самое интересное, что, судя по другому документу, датируемому мартом—апрелем 1225 г., можно думать, что Мбэнин Ндживува удалось получить разрешение покинуть службу в Эдзина. Его сменил Сужияй Мбэношион, последняя часть имени которого, вполне вероятно, указывает, что он и тот Шион, которого прочил на свое место Мбэнин Ндживува, — одно и то же лицо. Из этого документа мы узнаем, что правитель Сучжоуского округа, держатель золотой пайцзы, имя которого не указано, так как составитель документа именует его почетным титулом «Повелитель», ехал через Эдзина в качестве посла для переговоров с северными соседями тангутов. Кто были эти соседи: Чингисхан или представители оппозиции, сложившейся в Монголии, пока он завоевывал Мавераннахр, мы не знаем. Можно только добавить, что должность городского инспектора в Эдзина весной 1225 г. занимал Нгвежияй Нджэушань, а «ведающим делами» чиновников был Хуа Кивешань. Перечень задач, решаемых чиновниками Эдзина, готовыми встретить высокого начальника, не сообщает ничего принципиально нового: это были люди, ведавшие обороной города, скотоводством, земледелием, ирригацией и работами местного населения по трудовой повинности, число рабочих дней которых зависело от величины участка земли, которым владел обязанный государству трудовой повинностью человек [3, с. 139—145].

Весной 1226 г. Эдзина пал под ударами армий Чингисхана. Из того немногого, что мы знаем о Хара-Хото из тангутских источников, этот город предстает перед нами как важная по-

границная крепость на северо-западных, считая от центра страны, границах государства Си Ся, город окраинный, центр дислокации армии (одной из 17), центр одного из военно-полицейских управлений, город военных и чиновников, солдат, земледельцев, скотоводов и каторжан. Безусловно, это был значительный для своего региона центр буддийской культуры, в монастырях которого переписывали книги буддийского канона, нередко, как мы видели, иждивением местных чиновников. Мы пока не знаем Эдзина как город ремесленников и торговцев. Мы не знаем, каков был точно облик города при Си Ся. Может быть, город мало изменился за полтора века монгольского господства, а может быть, он был сильно перестроен, и только «знаменитый субурган», прославивший великого русского географа и путешественника П. К. Козлова и возродивший к жизни тангутскую культуру, оставался постройкой, сохранившейся от XII или XIII в. — со времен Си Ся. Мертвые города нередко обретают вторую, иллюзорную жизнь благодаря тому, что уцелело в их развалинах и перешло на страницы десятков научных статей и книг. Таков и Эдзина (Хара-Хото), и в этом смысле у него есть еще свое будущее.

Литература

1. Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1966, т. 98, № 3.
2. Измененный и заново учрежденный кодекс девиза царствования «Небесное процветание» (1149—1169 гг.).—Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, танг. 55.
3. *Кычанов Е. И.* Докладная записка помощника командующего Хара-Хото.—Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1972. М., 1977.
4. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
5. *Кычанов Е. И.* Тангутский документ о продаже земли. Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1971, М., 1974.
6. *Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.
7. Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
8. *Кусанов Е. I.* A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1971, т. 24, вып. 2.